

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**Члена Совета, Вице-президента некоммерческого партнерства
«Национальная лига специалистов по связям бизнеса и государства»**

М.Ф. Баширова

Недавнее выступление Президента нашей страны призывает быть откровенными, вот и я позволю себе быть в этом тренде.

Обсуждая лоббизм и GR, мы часто забываем о тех, кто нас кормит, кто дает нам заказы и надеется, что получит новое качество в общении с государством. Это предприниматели.

Когда мы обсуждаем среду, в которой они работают, мы всегда полагаем, что преследуем одну главную цель – это создание конкурентной рыночной среды ведения бизнеса, в которой соблюдается баланс интересов продавцов и покупателей, производителей и потребителей продукции и услуг. Государство в данных отношениях выступает лишь регулятором среды. Однако только ли регулятором?

Так зачем же предприниматели ходят к чиновникам в России? Нельзя ли совершенно исключить непосредственное общение чиновников и предпринимателей в личной форме и все перевести в документарный формат? Почему нельзя в формальной переписке «ответ – вопрос» соблюсти процедуры и получить в установленное время результат? Оставим за скобками обсуждения сложные вопросы макроэкономической среды в России и вопросы владения собственностью.

Известно, что предприниматели приходят в госорганы с двумя темами:

1. *Условия ведения бизнеса в своем секторе экономики*, что подразумевает влияние на правовую среду и в первую очередь на НПА. Эта деятельность больше подходит под определение лоббизма. Она является частью стратегического менеджмента и для решения этих задач компании часто объединяют усилия, создают деловые сообщества, нанимают экспертов, ведут пиар - кампании.

2. *Решать «конкретные вопросы»* - именно это имеют в виду в бизнес-компаниях, когда обсуждают GR. И это самая «темная» часть нашей предпринимательской жизни. К сожалению, на нашей стадии развития государственные органы напрямую влияют не только на макроэкономические условия, но и на операционные процессы, на доходность и рыночную силу компаний. Когда мы говорим о коррупции государственных служащих, то мы подразумеваем именно это влияние, но почему-то не доходим до первоисточников этого явления. Хотя все достаточно просто.

С первой задачей все понятно. НПА любят заниматься все и помногу. Как я уже сказал, что именно для влияния на НПА предприниматели создают отраслевые деловые сообщества. Отраслевые деловые сообщества работают над созданием условий ведения

бизнеса в определенных секторах экономики и напрямую связаны с вопросами конкуренции внутри секторов и конкуренции с поставщиками или покупателями продукции или услуг. ОДС взаимодействуют с органами власти, в первую очередь в части нормотворчества, а также в части экспертизы намечаемых решений. Это часть предпринимательской жизни, когда усилия объединены и эта часть достаточно прозрачна.

Но, клиентов GR – менеджеров и лоббистов еще более интересует вторая цель - «решать конкретные вопросы».

Что это за вопросы? И почему именно они коррупционно-рисковые?

Как выглядит стандартная система ведения бизнеса? Она основывается на разработанном бизнес-процессе, определяющем ресурсы, действия, сроки и результат.

Я выдвину на обсуждение следующий тезис: в России система взаимоотношений бизнес – власть устроена так, что чиновник в России контролирует часть бизнес-процесса и напрямую влияет на результативность работы операционного менеджмента.

Предприниматели уверенно контролируют бизнес-процессы, реализуемые внутри компании, и попадают в зону неопределенности, когда этот процесс оказывается в сфере влияния государства. Здесь искусственно создана коррупционно-рисковая *петля неопределенности* для бизнес-процессов.

Уровень нынешнего влияния российских государственных органов на операционные процессы в компаниях таков, что неопределенность уже долгосрочных стратегий в различных отраслях вызывает необходимость бизнеса работать в двух-трехгодичном планировании. Какая уж тут привлекательность российского инвестиционного пространства!

Приведу пример стандартного бизнес-процесса строительства промышленного объекта. Это в меньшей степени касается жилищного строительства, хотя и здесь есть свои сложности, но жилой дом является конечным продуктом. В промышленном строительстве – цех, склад, подстанция – являются частью основных средств производственного процесса.

Основные этапы строительства: разработка и проектирование – экспертиза – строительство – ввод в эксплуатацию. Два из четырех этапов (экспертиза и ввод в эксплуатацию) не находятся в непосредственном управлении предпринимателя и считаются высоко рисковыми. Они находятся как раз в петле неопределенности государственных решений. Их, если так можно выразиться, менеджмента госчиновник, и он становится частью аутсорсингового менеджмента, не подчиняясь внутренним правилам компании.

Что это означает? Нарушение общих сроков бизнес-планирования и, что не менее важно, климатических циклов строительства при затягивании процессов экспертизы. Последствия - рост стоимости строительства, невыполнение обязательств перед заказчиками, потеря доли рынка и т.д.

Что делает операционный менеджер, у которого в его KPI записано «ввод объекта в эксплуатацию в установленный срок»? Начинает «решать вопрос» и втягивать госчиновника во внутренний менеджмент.

Аналогичных примеров множество, касаются они разрешительной системы или тарифного регулирования или государственных интервенций или таможенных процедур или расчетов долей на рынке и рыночной силы или экологических норм.

Мы достаточно раскрыли процессы, связанные с государственными закупками и создали механизмы опротестования результатов торгов. Но, все остальные процессы остаются в тени.

Колоссальное количество процессов в системе государственного управления не описаны, не регламентированы, не имеют четких критериев оценки, не ограничены сроками. Еще раз повторяю, именно эта петля неопределенности, регулируемая только субъективными факторами государственного управления, и есть питательная среда коррупции.

Можно ли разорвать эту петлю? Можно. Разве мы не знаем, где эти очаги неопределенности в каждом ФОИВе? Мы правда считаем, что чиновник, контролирующий часть бизнес – процесса не понимает стоимость потерь для бизнеса и не ищется воспользоваться этим своим знанием?

Наконец, вернусь к теме нашего обсуждения. Я считаю, что предложенный Минэкономразвития законопроект о регулировании взаимодействия бизнеса и власти является *логичным шагом в борьбе с этой петлей неопределенности в государственном управлении и станет первым шагом в снижении количества коррупционно-рисковых функций государственного управления*, если продолжить работу в этом направлении. Кстати, совершенно верно выбраны уровни государственных управленцев, подпадающих под регулирование (от зам.министров до зам.директоров департаментов).

Хочу дополнить законопроект еще двумя новациями.

1. *Обязать также и предпринимателей отчитываться о содержании обращения к государственному управленцу и предоставлении информации: чьи интересы он представляет и какую цель преследует.*

2. *Начать составлять карту коррупционно-рисковых государственных функций в каждом ФОИВе.* Специалистов детально знающих эти процессы достаточно при каждом ФОИВе. Проведите конкурс, дайте им контракт в миллион долларов и вам распишут эти процессы до миллиметра. После этого поставьте их под контроль Общественных Советов и внутренний контроль, и можно будет отменять все множественные проверки имущества и доходов государственных чиновников, потому что вы начнете бороться не с последствиями, а с первоисточниками.